

Илья Иванович Машков : [Автобиография] // Мастера советского
изобразительного искусства : Произведения и
автобиографические очерки : Живопись / Сост. П.М. Сысоев и
В.А. Шквариков. - М., 1951, С. 309-316. - Т.1.

*Илья Иванович
Машков*

Н. И. Машков

Снедь московская. Хлебы. 1924 г.

Я родился 17 июля 1881 года, в станице Михайловской на Дону. Мои деды — крестьяне Рязанской губернии.

В 1889 году меня отдали учиться в приходскую школу в Михайловской станице.

Тяжелые материальные условия моих родителей заставили их отдать меня «в люди», не считаясь с моими способностями к технике и искусству.

Лет до пятнадцати я затруднялся определить, что мне больше нравилось — техника или живопись. Так как меня считали почти никуда не годным человеком,

а мое увлечение рисованием и техникой считалось никому не нужным бездельем, то я украдкой от служащих и хозяев занимался тем и другим, насколько это было возможно. Когда в 1896 году слегка улучшились условия для торговых рабочих и служащих, я в праздничные дни после службы, обычно с четырех часов, уединялся и наслаждался живописью. Это определило мою судьбу как художника. В моем распоряжении был художественный материал в виде дешевой акварели. До этого я не видел ни одной картины, написанной рукой художника. Я продолжал работать самоучкой. Как ни старался я скрыть то, чем занимаюсь, все же служащие об этом знали.

Я продолжал писать акварелью по праздникам, копируя с олеографий и некоторых картинок, пока один любитель не помог мне выписать из Москвы нужные масляные краски. В конце 1899 года о моих занятиях знали не только хозяйская семья, служащие, рабочие этой фирмы, но и другие граждане города.

Приблизительно в декабре этого же года в праздники, после четырех часов, я сидел, как обычно, за самодельным мольбертом при керосиновой лампочке, копируя какую-то картину. В трех комнатах первого этажа в это праздничное время никого не было. Мою работу неожиданно нарушил какой-то неизвестный любопытный, разглядывавший меня в окно. Через полминуты этот человек в сопровождении одного нашего служащего вошел в комнату, где я писал. Он оказался учителем рисования местной гимназии Н. А. Евсеевым. На его вопрос, хочу ли я учиться рисованию, я задал ему тоже вопрос: а разве этому учатся? Он предложил мне притти к нему на квартиру, посмотреть его работы. После этого визита я окончательно решил во что бы то ни стало сделаться художником.

В феврале 1900 года я заявил хозяину о своем уходе. Борисоглебский учитель рисования обещал мне помочь поступить учиться в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где когда-то он сам учился вместе с Коровиным, Архиповым, Левитаном, Нестеровым и другими. Пробыв в Борисоглебске до августа этого же года, я затем отправился в Москву.

Приехав в Москву, я первым делом разыскал Училище живописи, ваяния и зодчества. Для меня стало неприятной неожиданностью, что нужно держать конкурсный экзамен по рисованию и что у моих конкурентов очень хорошая подготовка. В дни экзаменов я был в ненормально-лихорадочном состоянии. Я никогда в жизни не прилагал таких усилий и стараний, чтобы хорошо нарисовать и выдержать конкурсный экзамен.

1 сентября этого же года я узнал, что выдержал экзамен по рисованию, и был неописуемо счастлив. С первых же дней занятий я познакомился с одним товарищем по курсу, и мы на равных условиях сняли меблированную комнату за двенадцать рублей в месяц на Домниковской улице, в бывших Казанских номерах.

Когда я держал экзамен в Училище живописи, первого курса не существовало, поэтому поступали сразу на второй, называвшийся головным.

Параллельно с занятиями в головном классе, где руководителями были художники Корин и Горский, я занимался еще в пейзажном классе, руководимом Аполлинарием Васнецовым.

На второй год Московское общество любителей художеств постановило выдавать мне ежемесячно стипендию в размере десяти рублей сроком на шесть месяцев. Занимался я в Училище с огромным увлечением и старанием. Чувствовал себя морально замечательно. В первой половине учебного года, в октябре 1902 года, мне, как наиболее успевающему и нуждающемуся ученику, был предложен заработок в виде урока по рисованию. С огромным волнением и беспокойством я взял этот урок с оплатой восемь рублей в месяц.

Это было началом моей второй специальности, то-есть педагогической.

Три последних года подряд получал денежные премии за успеваемость.

После окончания курса в натурном классе можно было продолжать работать.

В это время все, что я умел и знал в области живописи, меня крайне не удовлетворяло. Многие мне в то время казались никуда не годным, никому не нужным. Я не знал, что мне делать и как делать.

Мой учитель А. М. Васнецов ответил на мои муки и переживания, продолжавшиеся три года подряд, заявлением: «Вам следует писать и не следует мучиться, так как вы для этого молоды».

Зимой 1904/05 года мне хотелось поработать у В. А. Серова и К. А. Коровина, но из этого ничего не вышло.

Революция 1905 года меня захватила. Картины вооруженного восстания на улицах Москвы, митинги, где приходилось слышать речи ораторов различных партий, в которых мне тогда трудно было разобраться, сильно волновали.

В это время мне был непонятен весь гнилой период в искусстве под названием «модерн» и «декаданс». Это во многом затормозило мой творческий рост художника.

Несмотря на складывающуюся для меня так неблагоприятно обстановку, я продолжал заниматься педагогической работой. Летом 1906 года во вновь строящемся доме я организовал себе мастерскую, в которой работаю и до сих пор.

Студия с моими многочисленными учениками и беготня на уроки по домам отнимали у меня целиком и время и энергию.

Весной 1907 года художник Михайловский обратился ко мне с предложением взять его вместе с учениками в компаньоны. Я согласился на его предложение, и мы с ним руководили вдвоем студией с учениками в количестве приблизительно пятидесяти человек. Художник Михайловский бывал за границей, в Италии, очень много говорил о старых мастерах, которые были до этих пор мне непонятны. Но когда он показал мне замечательные репродукции с произведений великих итальянских мастеров, с рисунков, картин и портретов таких художников, как Тициан, Рембрандт и другие, я неожиданно для самого себя был поражен, настолько мне они показались замечательными.

Петербургский Эрмитаж произвел на меня потрясающее впечатление. В это время мне были прямо-таки неприятны М. А. Врубель, К. А. Сомов. В картинах старых мастеров я видел драпировки красного цвета в любом количестве, между тем в этот период красный цвет считался грубым, не художественным.

Все виденное в Эрмитаже меня сильно зарядило желанием во что бы то ни стало поехать за границу.

После заграничной поездки (1908) мне казалось, что я своим разумом и чувством постиг все глубины, все тонкости изобразительного искусства. Мне казалось, что творчество всех этих величайших художников окончательно оформило во мне художника-живописца.

Я был потрясен работами Микельанджело, Тициана, Рембрандта, Рубенса, Тернера, Веласкеза, Гольбейна, Дюрера, Кранаха и величайшего родоначальника итальянской школы Джотто с его учениками, которые особенно привели меня в восторг и восхищение (падуанские фрески). Я считаю, что фресковая живопись так же богата бесконечными возможностями звучания, как музыка с ее разнообразием, переливами, тембрами, вибрациями и т. д.

Пожалуй, в еще большем восторге я был от венецианских мозаик в соборе Сан-Марко с их могучим, пышным, полнокровным, богатым, нарядным колоритом.

Необходимо сказать о знакомстве с другом Михайловского — художником П. П. Кончаловским, которое произошло в 1907 году. Родственность взглядов на живописное искусство быстро сблизила меня с П. П. Кончаловским, и вся наша неудовлетворенность тогдашней жизнью в искусстве усиливала взаимную связь и интерес друг к другу.

Начав работать в Москве, имея в своем сознании все виденное за границей, я все же не знал, как мне надо писать и рисовать. Первые месяцы по возвращении в Москву в моих живописных этюдах чувствовалось хотя и не особенно отчетливо, но уже нечто совершенно другое.

Я замечал, что у меня на холсте получается нечто напоминающее Сезанна, Ван-Гога. Мои работы этого времени больше напоминали современных французских мастеров.

Моя работа в мастерской В. А. Серова привела его в невероятное раздражение. Характер моего письма вызвал бурное негодование у всей профессуры.

Весной 1909 года на одном из моих этюдов было крупно написано мелом: «Выбыл». Когда я узнал об этом в канцелярии и сообщил, что хотя и сильно запоздал, но все же мог бы сдать зачеты по научным предметам и получить диплом, мне ответили: «Вы, не желая выполнять новую программу по искусству, считаетесь выбывшим из школы».

В 1909 году, кажется в начале зимы, я попытался в первый раз выступить со своими работами в Петербурге на выставке под названием «Новое общество художников», где был председателем художник Д. Н. Кардовский. На эту выставку было принято несколько моих работ.

И. И. Машков

Снедь московская. Мясо, дичь. 1927 г.

Затем я участвовал на выставке «Золотое руно» в январе 1909 года, где приняли участие Гончарова, Ларионов, Кончаловский, Фальк, Куприн и я. Здесь я имел скандальный успех, то-есть никого так не ругали, как меня, и печатно и устно.

Часть участников последней художественной выставки картин «Золотое руно» осенью 1910 года решила организовать в Москве выставку под названием «Бубновый валет».

Это название нравилось большинству участников этой выставки тем, что оно вызывало чувство удивления, изумления, брезгливости.

В годы 1909—1911 в моей живописи все отмечали буйную, неудержимую колористическую стихию. После же этих лет до Октябрьской революции мои работы были более сдержанны. Мне хотелось изображать видимый мир внешне более законченным.

В 1923 году на Рождественке, во Вхутемасе, была открыта выставка под названием «Московские художники», где были выставлены работы бывших участников «Бубнового валаета».

Я выставил свои пейзажи, портреты, натюрморты. Мне на этот раз хотелось, как никогда, сказать всем, что мне надоело видеть изображенным человеческий портрет без головы, незакрашенные холсты и тому подобное безобразие.

Этими работами мне хотелось сказать многим товарищам, что надо писать так, чтобы всякий нормальный человек воспринимал в наше время искусство, как воспринимали его во времена Фидия и Рафаэля, чтобы оно было понятно без объяснений.

В 1923—1924 годах я чувствовал, что наступила пора приступить к работе над собой как над человеком — общественником и художником, что надо стремиться воплощать в искусстве те идеи, во имя которых живет и борется лучшая часть человечества.

В 1922 году появилась новая художественная организация под названием «Ассоциация художников революционной России» (АХРР). Я решил перейти в эту организацию. Перейдя в АХРР со своими учениками, я организовал там ахрровские курсы. Я пробыл в АХРР до весны 1930 года.

От редакции:

В 1928 году И. И. Машкову было присвоено звание Заслуженного деятеля искусств РСФСР.